

О. М. Морозова, Т. И. Трошина

Российский подоходный налог на фоне социально-политических событий 1917–1920-х гг.

Морозова

Ольга Михайловна

д-р ист. наук,
проф., Донской
государственный
технический
университет
(Ростов-на-Дону,
Россия)

Трошина

Татьяна Игоревна

д-р ист. наук, проф.,
Северный (Арктический)
федеральный
университет
им. М. В. Ломоносова;
Северный
государственный
медицинский
университет,
(Архангельск, Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
поддержке Российского
научного фонда (РНФ),
проект № 22-18-20061
«Иностранные концессии
в Архангельской
губернии:
региональный опыт
внешнеэкономических
контактов в условиях
изоляции Советской
России», [https://rscf.ru/
project/22-18-20061/](https://rscf.ru/project/22-18-20061/)

Введение

Изобретение прямого прогрессивного подоходного налога как чрезвычайного инструмента покрытия дефицита государственного бюджета восходит к затяжным военным конфликтам. Этапы введения этого налога в России приходятся на время Первой мировой войны, революций 1917 г. и советского строительства. Он представляется магическим кристаллом, сквозь призму которого можно рассмотреть сущностные признаки военно-политических институтов и ключевых этапов переходной эпохи.

В рамках данной статьи мы попытаемся обосновать свое видение условий феноменально продолжительного введения подоходного налога в нашей стране. Объем статьи не позволил дать более широкую ретроспективу, поэтому в фокусе оказался небольшой, но ключевой промежуток времени: 1917–1920-е гг.

В литературе обычно указывается, что из-за Февральской революции и дальнейшего развития кризиса подоходный налог практически не собирался, а вошел в жизнь страны только в 1922 или 1924 г.¹ Это справедливо, если учитывать финансовую результативность. Но насыщенная законотворческая деятельность всех политических режимов рассыпающейся страны, ее отголоски в работе местных финансовых учреждений и жизни населения не могут считаться незначительными элементами бурной эпохи. Как ни странно, ключевым моментом является вопрос о преемственности практик государствен-

ного управления в условиях, когда они формально прерываются. Налоговые учреждения двух противоборствующих лагерей, между которыми произошло расщепление имперского опыта, способны показать, какие качества общего наследства были восприняты теми и другими.

Историография темы включает немало обстоятельных книг и статей об этапах становления российской налоговой системы, в частности прямого налогообложения². Как правило, изучение подоходного налога в России ограничивается длительным процессом обсуждения и разработки, закончившимся его введением в апреле 1916 г. Существуют немногочисленные, но содержательные статьи, описывающие попытки использования этого налога и на советской территории, и в белых анклавах³. Оценки этой деятельности колеблются от результативной до провальной. В связи с этим справедливо суждение, что налоговая деятельность государственных образований 1918–1920 гг. требует глубокого изучения⁴.

Важно отметить, что советская финансовая политика 1920-х гг. нашла широкое отражение в дискуссиях теоретиков и практиков⁵. Обсуждалась полнота реализации классовой линии по видам платежей и сборов, достоинства и недостатки натурального и денежного налогов, экономический эффект прогрессивной шкалы налогообложения. Обзор подходов, хотя и под выраженным классовым углом зрения, был дан в книге «Финансы СССР»⁶. По этим экспликациям процесс формирования советской налоговой системы не может быть представлен полно.

В короткой исторической справке отмечена лишь часть ключевых моментов предыстории вопроса. Подготовка введения прямых и всеобщих налогов в России началась в пореформенное время и шла трудно, испытывая противодействие наиболее состоятельных, а потому и влиятельных элитных групп. Но тяжесть налогового бремени тем не менее постепенно перемещалась с бедных на зажиточные слои населения⁷; шла апробация функционально близких подоходному иных налогов и сборов: «дополнительного промыслового налога» (подоходной доплаты к промысловому патенту, 1885), квартирного налога (1893), являвшихся, по словам И. Х. Озерова, лишь суррогатами подоходного⁸. Но они способствовали накоплению опыта: был отработан механизм определения облагаемой базы отдельно взятого плательщика; возникли податные присутствия, составленные из чиновников и представителей плательщиков. Впервые проект Положения о государственном подоходном налоге, разработанный на основе прусской модели, был внесен в Думу в феврале 1907 г., но его обсуждение началось лишь в 1910 г.

Накануне войны косвенные налоги превышали прямые в семь раз, затем в связи со введением «сухого» закона их доходность для казны упала в два с половиной раза. Зимой 1915–1916 гг. одним из главных предметов обсуждения обеих законодательных палат Российской империи стал вопрос о введении в стране системы подоходного налогообложения⁹. Высочайше утвержденным 6 апреля 1916 г. законом устанавливался перечень доходов, с которых взимался налог, тарифная окладная сетка с весьма мягкой прогрессивной шкалой (от 7 до 12,5%). Плательщиками подоходного налога могло стать 0,5% населения

страны (700 тыс. чел.)¹⁰. Налагался он на доходы от государственной и частной службы и вообще по найму не только в денежном, но и натуральном выражении (квартирное и иное довольствие, пенсии, награды и другие пособия). Обложению не подлежал доход до 850 руб., что выводило из-под налога рабочих и подавляющее большинство крестьян. В перечень налогооблагаемых доходов духовенства входили выплаты из госказначейства, плата за требы; для монахов — стоимость бесплатно занимаемых келий.

Начиная с декабря 1916 г. губернские казенные палаты рассылали подробные инструкции городским управам, полицейским приставам, кредитным учреждениям. Закон широко разъяснялся через публикации и на собраниях налогоплательщиков, которые сами должны были рассчитать свой доход и представить в виде специального заявления в срок до 1 марта 1917 г. в местные участковые по подоходному налогу присутствия или через казначейства, городские управы, волостные и иные правления.

Первые трудности 1917 г.

Сразу же выявились организационно-технические проблемы в проведении закона в жизнь. Участковые присутствия задерживали представление списков плательщиков. Не хватало бланков для раздачи населению. Это давало местной администрации повод просить об отсрочке — в связи с «новизной дела». После Февральской революции «грандиозные колебания экономической жизни» (прежде всего денежная инфляция) лишили налог, по отзывам с мест, справедливого характера. А переусложненное делопроизводство создавало затруднения в его сборе¹¹.

Это не означало, что население бойкотировало новый налог. Его скрипя зубами приветствовали даже на Дону, где вопрос о налогах всегда был болезненным. Выполняя «государеву службу», по сути, за мизерное жалование, собираясь в полк за собственный счет, казаки считали, что могут рассчитывать на оплату казной школ, дорог, агронома и ветеринара; однако надежды эти не всегда оправдывались. В 1917 г. установился короткий период общего для донских крестьян и казаков представления об основах сосуществования на территории области. Крестьянские съезды требовали полной замены косвенных налогов (которые «всею тяжестью своею ложатся на трудовой люд») «прогрессивно-подоходным на капиталы и наследства при совершенном освобождении от налога мелких трудовых доходов»¹². Близкой была в тот момент и позиция казачьей верхушки, считавшей, что подоходный налог с прогрессивной шкалой обложения придаст справедливость процессу формирования областного бюджета¹³.

Министры финансов Временного правительства, сменявшие друг друга в течение восьми месяцев, пытались увеличить сборы любыми доступными способами. А. И. Шингарев, второй из их плеяды, предлагал повышение ставок налога для освобожденных от воинской повинности, введения поимущественного налога, налогов на военную сверхприбыль и на наследства, связывая эти меры с намерением правительства возложить налоговое бремя на плечи

имущих классов¹⁴. При этом утверждал, что препятствием на пути любой фискальной практики в России становятся недисциплинированность и эгоизм массового налогоплательщика, вскрывшиеся до крайности под лозунгами свободы. Пока общество не убедится в необходимости самоограничения, допустимы увеличение налогов на имущие кассы, общегражданский принудительный заем и печатный станок¹⁵.

Законопроект Шингарева по повышению окладов государственного подоходного налога был утвержден 12 июня 1917 г. Налогооблагаемый минимум был поднят до 1 тыс. руб. Трек прогрессивной шкалы обложения стал еще более крутым. С 1 тыс. руб. теперь устанавливалось 12 руб. налога (1,2%), с 10 тыс. руб. — 704 руб. налога (более 7%). Для доходов 400 тыс. руб. налог исчислялся 125 тыс. руб. и по 3050 руб. на каждые 10 тыс. свыше¹⁶. Это не могло не встретить отпор большинства налогоплательщиков. Инфляционные процессы поставили в невыгодное положение тех работников, которые прежде считались малообеспеченными и под налогообложение не попадали. Жалование народных учителей, фельдшеров, мелких чиновников, квалифицированных рабочих номинально выросло в десять — пятнадцать раз. Они попадали в низшую категорию обложения, хотя фактически их уровень жизни падал. Зажиточная часть крестьянства, учителя городских училищ, врачи, агрономы, инженеры, техники, увеличив свой доход по номиналу в семь — десять раз (до 12–18 тыс. руб.), оказались в разряде капиталистов. С мест шли возмущенные резолюции: «Закон о прогрессивно-подоходном налоге [не учитывает] прожиточного минимума и превращается из справедливого налога в пытку для трудового народа, и он теряет свой демократический облик»¹⁷.

Но массовое крестьянство такие решения приветствовало, считая справедливым повышение ставок подоходного налога в отношении «торговцев, кулаков, спекулянтов». Возмущали их и высокие доходы освобожденных от армии лиц призывного возраста, занятых на высокооплачиваемой работе в «оборонной промышленности», а также возвращавшихся из городов отходников, которые свои «легкие деньги» не вкладывали в поддержание хозяйства. Эти мнения высказывались на сходах и собраниях, но волостные исполкомы микшировали решения, откладывая их до получения дополнительных распоряжений верховной власти¹⁸.

Местным органам так и не удалось наладить учет налогоплательщиков в 1917 г.; их карточки, присылаемые в казенную палату из кредитных учреждений, содержали неполную информацию, что затрудняло начисление и взимание налога. Министерство финансов было вынуждено давать отсрочки на рассылку окладных листов¹⁹.

Финансовые системы белых режимов и попытки взимания подоходного налога

В структуре Министерства финансов по части Департамента окладных сборов не произошло никаких организационных перемен ни после Февральской революции, ни после Октябрьской. Возникавшие в частях раздробленной

страны анклавы подтверждали приверженность к прежнему налоговому законодательству. Это прослеживается и на советской территории, и на белом Севере, белом Юге, в белой Сибири. Подоходный налог, благодаря прогрессивной шкале, расценивался как демократическое и справедливое обложение, поэтому не противоречил духу ни одной из властей, считавшей себя демократической.

Антибольшевистские правительства Юга включили в свои налоговые системы подоходный прогрессивный налог²⁰. Однако на практике повышали ставки обложения и расширяли льготные категории плательщиков, что было общей тенденцией в условиях инфляции и рисков оттока кадров из государственного аппарата²¹.

Повсеместно налоговые органы сталкивались с трудностями объективного характера, к которым можно отнести: нестабильность курса ассигнаций, эмитированных разными властями; промышленный спад; замещение торговых организаций мешочниками и спекулянтами; отсутствие документации финансовых учреждений (ее или сознательно уничтожало население, или увозила с собой отступающая армия, как было в Архангельске)²². Приходилось заново составлять списки налогоплательщиков и налаживать работу подоходных присутствий²³.

Загруженность работой налоговых служащих приводила к ненадлежащему исполнению обязанностей. Нехватка квалифицированных и опытных работников сосуществовала с раздутыми штатами финансовых управлений. На должностях делопроизводителей и их заместителей трудились не только пожилые полковники и барышни-машинистки, но и уклоняющиеся от призыва в действующую армию юноши с непрофильным образованием, а то и вовсе без оног²⁴. Приходилось упрощать процедуру подачи сведений: ответственность перекладывалась с административных лиц исключительно на налогоплательщиков. В случае неподдачи заявления доход мог исчисляться по средним нормам²⁵.

Большая часть населения, не имевшая фиксированного дохода, — крестьянство, спекулянты, лица свободных профессий — не заполняла деклараций и выпадала из поля зрения контрольного аппарата. Имевшее устойчивый доход население саботировало подачу заявлений. Дискредитация податного инспектора как сторонника советской власти могла к выгоде местных толстосумов расстроить сбор данных для исчисления налога. Подобный инцидент произошел с сотрудником Донского отдела финансов П. Ф. Лысковым. Он вскрыл случаи намеренного занижения доходов влиятельными гражданами, за что был объявлен большевиком и предан «военно-народному суду»²⁶.

По сведениям члена правительства Северной области С. С. Маслова, посетившего освобожденные от большевиков территории, в Пинежском уезде государственный подоходный налог при существующей организации податной инспекции «поражает максимум 20 % объектов обложения». В Холмогорском уезде «платежи поступали только от 5 % общего числа плательщиков, и благодаря этому получилась недоимка»²⁷. Северное правительство финансировало

свои расходы и содержало армию в основном за счет внешних займов и продажи скопившихся в портах экспортных товаров²⁸.

Бежавшие из центра на юг страны владельцы крупных состояний не спешили оказывать помощь армии, борющейся, по сути, за их возвращение на прежние позиции. Не получая на территории «Деникии» доходов, они зачастую не попадали в число налогоплательщиков²⁹. К тому же в налоговом законодательстве белых отсутствовали санкции в отношении должников и нарушителей установлений.

На примере Дона можно увидеть, как менялась значимость подоходного налога в формировании бюджета. В приказе Всевеликого войска Донского от 23 декабря 1918 г. декларировалось, что «главнейшим источником дохода Государства является подоходный налог». Спустя год расчет на значительные поступления с подконтрольной территории за счет прямых налогов ослаб. За 1920 г. предполагалось получить из этого источника 2 млрд руб., что составляло бы лишь 4% доходной части бюджета³⁰. Вероятно, это стало результатом верно сделанных выводов из практики. Помимо отмеченной еще Шингаревым «недисциплинированности» налогоплательщиков существовали и объективные препятствия ко введению прямого налогообложения: мобилизация в армию трудоспособного населения³¹. Донское правительство смогло собрать первые деньги от подоходного налога только в декабре 1919 г., накануне ухода из области³². На Кубани не удалось и этого.

Если на Юге присутствуют попытки законодательного оформления прямого налогообложения, то в Сибири деятельность в этом направлении была свернута. На обсуждение правительства был вынесен законопроект о «чрезвычайном одновременном подоходном налоге с имущих слоев» в размере 100 млн руб., проведена его предварительная раскладка по восточным и южным губерниям России. Однако «напоминающий большевистские практики» проект не получил одобрения А. В. Колчака.

Встает вопрос: если подоходный налог белыми был, по сути, провален, то из каких источников формировался бюджет их правительств? Вывод, что «в городе еще кое-что уплачивают, в деревне же — ничего»³³, может быть распространен на все российские реалии. Деньги в казну поступали от процентного сбора с прибыли торговых и промышленных предприятий: несмотря на сокращение их числа, продукция раскупалась за любые деньги. Сборы промыслового налога падали из-за разорения крупных предприятий. Более половины поступлений в доходную часть бюджета деникинского правительства шли от казенных предприятий: железных дорог, секвестрированных в годы войны с Германией промышленных предприятий и рудников Донбасса, майкопских и грозненских нефтяных промыслов. Во всех белых анклавах наиболее эффективно собирались акцизные сборы через сохранившуюся систему винной монополии³⁴. Приносили доход таможенные посты. Как и большевики, белые правительства вынуждены были использовать чрезвычайные формы, прибегая при возникновении перебоев с финансированием к реквизициям по распоряжениям высшего командования и по инициативе старших военачальников армейских частей³⁵.

Модели прямого налогообложения революционного времени

Разработка советской налоговой системы началась еще до перехода власти к большевикам, на VI съезде РСДРП(б) (август 1917 г.) Придя к власти, Совет народных комиссаров пытался адаптировать старую налоговую систему к новым экономическим и политическим реалиям.

Приоритет развития прямого обложения как наиболее справедливого по отношению к пролетарским слоям населения был сохранен и усилен³⁶. Советские финансовые органы руководствовались декретом СНК от 24 ноября 1917 г. «О взимании прямых налогов», который определял отношение новой власти к законодательству о взимании прямых налогов с приданием ему классового характера. В отношении должников, особенно состоятельных, были усилены санкции: денежные штрафы вплоть до конфискации всего имущества и тюремного заключения до пяти лет³⁷, что существенно отличалось от практики контроля за соблюдением налогового законодательства у белых.

Советская политика в налоговой сфере встречала поддержку со стороны трудящихся слоев деревни, считавшей зримым итогом освобождение от налогов. Каргопольский уездный крестьянский съезд в декабре 1917 г. признавал «несправедливость обложения крестьян наряду с другими классами», призывая к «отмене всех косвенных [налогов] и введению прогрессивного налога на доход, наследство и капиталы»³⁸.

Декрет от 17 июня 1918 г. «Об изменении и дополнении декрета от 24 ноября 1917 г. о взимании прямых налогов» придал советской системе налогообложения заверченный классовый характер. В отношении «бывших» применялись принудительные сборы, конфискации, реквизиции, а рабочим и служащим национализированных и кооперативных предприятий, учреждений и организаций предоставлялись льготы. Присутствия по подоходному налогу были сохранены, но изменен их состав. Если ранее эти органы выбирались из числа плательщиков, то теперь формировались местными советами из представителей всего населения. Несмотря на падение покупательной способности рубля нижняя планка дохода, подлежащего обложению, не была изменена. Это расширило число плательщиков, но местным советам было позволено уменьшать размер подоходного налога тем, чьи доходы в текущем году сократились³⁹. Высокие доходы отдельных групп населения во время войны с переходом к демобилизации закончились. Фактически за несколько месяцев вполне обеспеченные люди превратились в классических бедняков. Те же, кто имел землю и скот, оказались в значительно лучшем положении.

С сентября 1918 по февраль 1919 г. были приняты декреты СНК⁴⁰ о новой организации учета доходов населения в связи с тем, что основные денежные капиталы перетекали из города в сельскую местность, концентрируясь в руках состоятельных слоев крестьянства. Комиссии по подоходному налогу при волостных исполкомах составляли публичные списки плательщиков со сведениями о размерах и источниках доходов⁴¹.

Низкая планка доходов, подвергающихся налогообложению, в условиях инфляции расширяла состав налогоплательщиков за счет маломощных серед-

няков и бедняцкой части деревни. По мнению местных органов, это работало против советской власти. Новая прогрессивная шкала, учитывавшая уровень доходов отдельных территорий, была введена лишь декретом от 27 марта 1919 г. Для низшей категории обложение устанавливалось в 1 %, для высоких доходов — 25 %. Классовый характер налога проявлялся в том, что сверхдоходы (по отдельным районам — с 48 тыс. до 96 тыс. руб.) полностью изымались в пользу государства⁴². В дальнейшем закон корректировался для усиления обложения богатевших за счет голодающего города пригородных сел⁴³.

В соответствии с законом подоходный налог являлся государственным и должен был поступать в бюджет РСФСР. Но сложность коммуникации центра с окраинами привела к созданию правовой основы для реализации местных инициатив в зависимости от складывающейся текущей ситуации. Постановление Совнаркома от 19 ноября 1917 г. «О субсидировании местных Советов» предоставляло этим органам налоговые права, чтобы на месте изыскивать средства, а не обращаться за субсидиями к центральной власти. В деле «понуждения» к уплате налогов разрешалось «пользоваться Красной гвардией и милицией»⁴⁴.

Расходы, вызванные революционными обязательствами, требовали денег немедленно. С использованием «аппарата» подоходного налога (списки плательщиков, разрядная сетка) вводился чрезвычайный революционный налог. Крестьянские общества стали вводить подоходное налогообложение явочным порядком. Царевский уездный земельный отдел (Астраханская губерния) в июне 1918 г. начал собирать подоходный налог с крестьянской земли⁴⁵. Подобное решение обсуждалось и на Холмогорском уездном съезде (Архангельская губерния). Однако декретом центральной власти пользование землей было освобождено от всяких налогов.

Передача инициативы на места вызвала к жизни причудливые практики. Сельсоветы лесистой Архангельской губернии обязывали платить налог рабочих предприятий и железных дорог, командированных для заготовки леса и сплава его по рекам, протекавшим по территории сельских обществ. Волостной совет Ракульской волости в мае 1918 г. обложил 10-процентным налогом местных крестьян, вырубавших лес на продажу, а «временно-проживающих» — подоходно-прогрессивным налогом, «для чего каждого запросил, сколько он зарабатывает»⁴⁶. В Вологодской губернии был введен особый «налог на лентяев, запустивших свои земли и уехавших за легкой наживой в город»⁴⁷. В то же время финотделам хватало прозорливости не облагать «чрезвычайными налогами» кооперативы и частную торговлю, понимая, что это приведет к остановке всей экономической жизни села⁴⁸.

В зависимости от состава советов формировалась наиболее целесообразная, с их точки зрения, комбинация налогов для «местных нужд». В итоге складывалась система двойного налогообложения. К подоходному налогу вместо отмененных косвенных устанавливалась процентная надбавка (до 20 %) для покрытия экстренных местных расходов⁴⁹. Иная модель инициативно возникла в северных губерниях. Вернувшиеся в деревню рабочие и фронтовики, оказавшись членами уездных и волостных исполкомов, продвигали наряду с подоходным налогом, которым облагалось бы большинство граждан,

введение поимущественно-поземельного налога, под который попадали их постоянно проживающие на одном месте и укрепившие свое хозяйство за годы войны односельчане. Поимущественное налогообложение, которому подвергалось все имущество, включая банковские вклады, а также находящееся за пределами места проживания владельца, крестьянские депутаты считали наиболее справедливым⁵⁰. Ожидаемые доходы были включены в смету на 1918 г., однако начавшиеся боевые действия не позволили собрать этот налог даже там, где сохранилась советская власть. Военные и гражданские расходы покрывались из общегосударственных средств⁵¹.

Подвижность фронтов Гражданской войны не способствовала работе налоговых учреждений всех режимов. На территории прифронтовых Астраханской и Царицынской губерний сбор подоходного налога не осуществлялся, не проводилась и продразверстка. Близость врага диктовала гибкое отношение к уклоняющимся. Например, в селе Промысловка Астраханской губернии максимальной санкцией по отношению к «некоторым» из таких нарушителей был арест на 2–3 часа⁵².

Находясь в нестабильной военно-политической ситуации, население не стремилось выполнять распоряжения ни тех, ни других властей. Жители только что освобожденного от белых села Тарасово (Архангельская губерния) в ответ на распоряжение советского губернского центра сформировать присутствие по подоходному налогу постановили «временно воздержаться»⁵³.

Отношение к подоходному налогу могло варьироваться в зависимости от преимущественного характера хозяйственной деятельности населения. Промысловые волости с широко развитым отходом были им недовольны. Земледельческие, напротив, считали невыгодным поимущественный налог, под обложение которым попадало и трудовое крестьянство⁵⁴. Местный советский аппарат также прохладно относился к подоходному налогу. Сотрудники финотделов утверждали, что реально функционирующий капитал ушел в тень и обложение падает почти исключительно на получающих советскую зарплату. Но налоговая секция Всероссийского съезда заведующих финотделами в мае 1919 г. подвергла критике «ревизионистские» доводы низовых работников⁵⁵.

Трудно оспорить тезис о провале подоходного налога в условиях экономики военного коммунизма, что было вызвано натурализацией хозяйства и обесцениванием денег⁵⁶. Однако усилия большевиков по формированию налоговой системы свидетельствовали о наличии у них государственной воли и создавали базис для послевоенного хозяйственного строительства.

Классовое звучание советского подоходного налога

Вопрос формирования бюджета в первые годы существования РСФСР по объективным причинам изучался мало, поскольку место налогов в обеспечении материальной базы государства было мизерным. Сложно считать советские бюджеты времен Гражданской войны отражением реальных доходов-расходов государства, поскольку бумажные деньги не давали представления о реальном

значении ресурсов, а доминировавший в то время натуральный оборот слабо фиксировался в денежных доходах⁵⁷.

При этом местные советские учреждения, решая вопросы становления мирной жизни на очищенных от белых территориях, для наполнения бюджета «за неимением [другого] принципа обложения» прибегали к «прогрессивно-подоходному налогу, так как республиканский строй не отменяет этого более или менее справедливого получения дохода»⁵⁸. Однако экономическая разруха достигла таких размеров, что постановлениями ВЦИК и СТО за февраль — март 1921 г. была создана система безденежного продуктообмена в масштабах государства⁵⁹ и временно приостановлено взимание всех денежных налогов⁶⁰. В 1920 г. их сбор в золотом эквиваленте по сравнению с 1918 г. упал в 760 раз⁶¹.

Меры по оживлению экономики включали восстановление системы финансовых учреждений по стране, контроль и укрепление финансовой дисциплины. В 1921 г. была введена модель независимых местных бюджетов. Она рассматривалась как инструмент более рационального управления, стимул к энергичному изысканию источников дохода на местах и даже как защита местных властей от всесильных ведомств, стремящихся перекачивать свои расходы на местные бюджеты⁶².

Обращение к деятельности региональных и местных советских органов убеждает, насколько сложной была задача формирования доходной части бюджета. Губернии РСФСР отличались значительной спецификой в структуре доходов и затрат; Донская область, образованная в 1920 г. на части земель области Войска Донского, была среднетипичной⁶³. Землеустройство здесь продвигалось медленно, не позволяя установить оптимальный для хозяйств экономически обоснованный размер налогов⁶⁴. В сельской местности собирался подворный налог (от 25 мая 1922 г.), в городе — поимущественный, которые вместе давали 17% областного бюджета. Коммунальные платежи составляли почти половину сборов (48%), промысловый налог и налоги на предприятия — лишь треть, что объясняется разрушением производственных баз⁶⁵. Областной центр Ростов-на-Дону обеспечивал до 80–90% сбора налогов⁶⁶. Работники с мест отмечали, что натуральные налоги были выгоднее деревне и помогали решению продовольственной проблемы в области; денежные же разоряли крестьян. Период оплаты денежных налогов приходился на август (время сбора урожая) и на конец года. Происходило падение цен на продукты⁶⁷. В итоге продуктов в деревне осталось мало, денег не было вовсе. Но, с точки зрения государства, замена натурального обложения денежным была актуальной, ведь главным недостатком натуральных налогов являлись высокие издержки государства (до половины стоимости) по обеспечению самой процедуры взимания⁶⁸.

Установленный декретом от 16 ноября 1922 г. подоходно-поимущественный налог нельзя уподоблять подоходному, так как при его исчислении помимо денежных поступлений учитывалась стоимость имущества, даже не приносящего денежного дохода. Дважды — в ноябре 1923 и ноябре 1924 г. — этот налог упрощался, в итоге приобретая вид налога, учитывающего доход налогоплательщика за предыдущий год с денежных капиталов и с личного труда

в денежном выражении. Но на этом рано признавать завершенным оформление одного из основных прямых налогов современной экономики.

Рубеж 1923–1924 г. принято рассматривать как время создания в СССР экономических условий для перехода к подоходному налогу. Развитие частной торговли и денежных отношений дало возможность реформирования поимущественного налога в подоходный с резко прогрессивной шкалой обложения, ориентированной на изъятие нетрудовых доходов⁶⁹. Расчет платежа для каждого плательщика зависел не только от размера дохода, но и от сферы занятости, включенности в общественно полезный труд и классовой природы источника дохода (личный или чужой труд). Из-за невысокого уровня доходов трудового городского населения основным плательщиком этого налога действительно стали нэпманы. В 1926/27 г. из суммы подоходного налога в 190 млн руб. на долю служащих приходилось только 11 млн руб., что позволяло его именовать оружием вытеснения частного капитала⁷⁰. С 1928/29 до 1932 г. доля подоходного налога с населения сократилась с 2,5 до 1,4 %, что подтверждало этот вывод⁷¹.

Влияние ситуации с налогами на политические настроения отражают письма и жалобы в советские учреждения⁷². Еще более пространные сведения содержат информационные сводки ОГПУ. На слухи о возможном нападении Антанты казаки отреагировали ожиданием войны, «после которой платить налоги они не будут»⁷³. Налоги воспринимались как деньги, которые начальство в городах незаконно тратит на свои нужды. На общем собрании граждан звучали высказывания: «Куда же деваются деньги, которые берут с крестьян за налоги. Было бы меньше комиссаров, да меньше получали жалованья. Вот председатели РИКа получают в год по 1680 руб. Налогов не платят и работают 6 часов в сутки, а крестьяне работают круглый год со своими семьями и не могут столько заработать, а налогов платят в 10 раз больше. <...> Какое же тут равенство и братство»⁷⁴. Недовольные вели агитацию за искусственное обеднячивание и уклонение от налогов. Местные финотделы регулярно проводили ревизии, случалось, выявляли занижение сумм налога за взятки⁷⁵. Но воспринимать советскую налоговую политику в деревне как в полном смысле фискальную нельзя. Налоговый пресс учитывал среднее состояние хозяйств, объем посевных площадей, другие объективные показатели. Например, после засухи 1924 г. единоличникам списывались налоги⁷⁶.

Подоходный налог вернулся на село в 1936 г., заменив сельхозналог. Объектом обложения выступал весь валовой доход колхоза в натуральном и денежном выражении, ставка составляла 3–4 %⁷⁷. В позднем СССР колхозники были уравнены в праве на льготное налогообложение по тарифной сетке, общей для трудящихся страны, но колхоз как посредник в процедуре извлечения налога оставался до конца советской эпохи. Лишь в 1992 г. этот налог приобрел вид обложения годового индивидуального дохода.

Выводы

Политическая борьба за настроения масс, прежде всего со стороны радикальной оппозиции, опиралась на тезис о «невыносимом налоговом гнете».

Взяв власть, прежние радикалы столкнулись с проблемой наполнения казны, что было особенно актуально в условиях разгоревшейся Гражданской войны и необходимости содержать большое количество непроизводительного населения (армия, карательные органы, военная промышленность). Несмотря на снижение роли денег, совершенно отказаться от них оказалось невозможным. Как и возложить всю тяжесть налогообложения на «имущие» классы (за резким сокращением таковых). Советской властью для покрытия местных расходов было разрешено уездным и волостным органам вводить собственные налоги, что привело к существенной разбалансировке всей системы налогообложения в стране. Для покрытия государственных расходов решено было ввести такую прогрессивную, нацеленную на уравнивание населения систему, как подоходный налог, который положительно воспринимался большинством населения, прежде всего крестьянского, занимающегося полунатуральным хозяйством и минимально зависящим от денег. Это «уводило» от налогообложения значительную часть трудоспособного населения. В конце концов пришлось обратиться к революционным формам получения необходимых средств и других ресурсов — реквизиции, конфискации, национализации, впоследствии — к продовольственной разверстке и обязательной трудовой повинности.

Во время Гражданской войны тот же путь прошли белые правительства, только в более мягких формах. Итог этих усилий был одинаково далек от искомого, но деятельность в налоговой сфере большевиков и их оппонентов отличалась так же, как рекрутинговые плакаты Дмитрия Моора и ОСВАГа, — напор и методичность одних, безволие и неорганизованность — других.

К форме общегражданского подоходного налога вернулись с переходом к рыночной экономике в период нэпа. Из всех видов налога, участвовавших в апробации комбинаций для экономики с высокой долей обобществленного хозяйства, подоходный был постоянно присутствующим в замыслах и проектах элементом. Помимо возможности настройки под задачи классовой борьбы подоходный налог имел колоссальное преимущество с точки зрения марксизма, благодаря перспективе обеспечения справедливого перераспределения и в бесклассовом обществе.

¹ *Миллер Н.В.* История налогообложения в России // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2010. № 1. С. 21; *Ким Т.И.* Формирование подоходного и промыслового налогов как важной составляющей налоговой системы в период нэпа // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 2 (2). С. 36–37.

² *Ананьич Н.И.* К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 183–212; *Бельский К.С.* Н.Х. Бунге и становление цивилизованной налоговой системы в Российской империи после отмены крепостного права (1861–1917) // Государство и право. 2016. № 10. С. 76–86.

³ *Карпенко С.В.* Налоговая политика белых правительств на Юге России в 1919–1920 гг. // Экономический журнал. 2011. № 4 (24). С. 111–121; *Кириллов А.К.* Последнее звено долгой податной реформы капиталистической России: преобразование подоходного налога в 1918–1919 годы (на западносибирском материале) // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16, № 4. С. 681–701; *Медведев В.Г.* Налоговое законодательство «белой» России в годы Гражданской войны // Налоги и финансовое право. 2012. № 4. С. 275–281; *Соколов Е.Н.* Подоходный налог в условиях «военного коммунизма» // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13), ч. 1. С. 140–142.

⁴ *Рышков В. М.* Экономическая политика контрреволюционных правительств в Сибири. 1918–1919: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 57.

⁵ *Кондратьев Н. Д.* К вопросу о системе единого натурналога // *Экономическая жизнь*. 1922. 7 февр.; Там же. 10 февр.; *Гензель П. П.* Система налогов Советской России. М.; Л., 1924.

⁶ *Дьяченко В. П.* Финансы СССР / под ред. В. П. Дьяченко. Вып. 1. М., 1933. С. 21–35.

⁷ *Миронов Б. Н.* Историческая социология России: в 2 ч. Ч. 1. М., 2018. С. 61–65.

⁸ *Горбань А. А. И. Х. Озеров* о подоходном налоге как обязательном элементе финансовой системы в условиях модернизации экономики России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 4. С. 155–157.

⁹ *Котсонис Я.* Подданный и гражданин: налогообложение в России до и после 1917 года и его подтекст // *Россия XXI: общественно-политический и научный журнал*. 1999. № 1. С. 179, 181; *Кравцова Е. С.*: 1) Подоходный налог в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: от идеи до воплощения в жизнь // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: История России. 2008, № 5. С. 92; 2) Краеугольный камень налоговой системы: введение подоходного налога в Российской империи // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 4. С. 1229–1242.

¹⁰ *Кириллов А. К.* Последнее звено долгой податной реформы капиталистической России... С. 685.

¹¹ Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 863. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

¹² Там же. Д. 5. Л. 1–41 об.

¹³ Там же. Д. 21. Л. 237, 240.

¹⁴ Ростовская речь. 1917. 1 июня.

¹⁵ *Воскресенская Н. О.* Министры финансов России в 1914–1917 годах (Об организации государственных финансов накануне и в годы Первой мировой войны) // *Деньги и кредит*. 2014. № 11. С. 75–76.

¹⁶ *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шаццлло М. К.* История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006. С. 281.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1789. Оп. 1. Д. 187. Л. 12.

¹⁸ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 15. Л. 135.

¹⁹ *Дегтярев А. Н., Мухамедина Ш.* Введение подоходного налога в России: историческое своеобразие и нормативное регулирование // *Налоговая политика и практика*. 2010. № 9 (93). С. 70–71.

²⁰ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 4. 1918 г. Л. 1–3.

²¹ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства, 1917–1920: сб. документов: в 4 т. Краснодар, 2008. Т. 3. С. 77–78, 242; *Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск)*. 1919. № 19. С. 26–27.

²² ГА РФ. Ф. Р-16. 1919 г. Оп. 1. Д. 76 Л. 82.

²³ *Медведев В. Г.* Налоговое законодательство «белой» России... С. 279.

²⁴ ГАРО. Ф. 857. Оп. 2. Д. 35–36, 54–58, 60–63.

²⁵ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства, 1917–1920. Т. 1. С. 71; Т. 3. С. 77–78, 242; Т. 4. С. 214.

²⁶ ГАРО. Ф. 857. Оп. 2. Д. 19. Л. 4, 32 об., 54, 74.

²⁷ ГА РФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 72. Л. 32–33, 51–62.

²⁸ Там же. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 40. Л. 23–26.

²⁹ *Карпенко С. В.* Налоговая политика белых правительств... С. 112.

³⁰ Свободная речь (Ростов н/Д). 1919. 8 нояб.

³¹ ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 92. Л. 47 об.

³² *Карпенко С. В.* Налоговая политика белых правительств... С. 112.

³³ ГА РФ. Ф. Р-6003. Оп. 1. Д. 24. Л. 92.

³⁴ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3; Бюллетень кооперации Юга России (Ростов н/Д). 1919. 10 нояб.

- ³⁵ Карпенко С. В. Налоговая политика белых правительств... С. 112–113; Орловская губерния в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.): сб. документов и материалов / сост.: В. И. Фефелов, Т. Н. Ашихмина, Н. Ю. Драч и др. Орел, 1963. С. 124–126.
- ³⁶ Зверев А. Г. «Значение реформы выходит далеко за пределы финансовой политики» // Источник: документы русской истории: приложение к журналу «Родина». 2001. № 5 (53). С. 21–55.
- ³⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 58–59.
- ³⁸ Каргопольский муниципальный архив (далее — КМА). Ф. 75 (30). Д. 4. Л. 24–36; Д. Б/н. Л. 34 (138).
- ³⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 609–611.
- ⁴⁰ Декрет СНК от 23 сентября 1918 г. «О порядке исчисления доходов, подлежащих обложению государственным подоходным налогом» // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 364–366; Декрет СНК от 21 января 1919 г. «Об изменении положения о подоходном налоге в отношении сельского населения» // Там же. Т. 4. М., 1968. С. 308.
- ⁴¹ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами: работы секций и доклады. М., 1920. С. 36–37, 127–128, 134; История Министерства финансов России: в 4 т. / гл. ред. А. Л. Кудрин. М., 2002. Т. 2. С. 64, 75.
- ⁴² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. С. 167–168.
- ⁴³ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. С. 734–735.
- ⁴⁴ Там же. С. 58–59.
- ⁴⁵ Государственный архив Волгоградской области (далее — ГАВО). Ф. 97. Оп. 1. Д. 9. Л. 87.
- ⁴⁶ ГААО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 15. Л. 13–14.
- ⁴⁷ ГАВО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 4. Л. 13 об.
- ⁴⁸ ГААО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 7. Л. 12, 22; Ф. 1988. Оп. 1. Д. 33. Л. 2–8; КМА. Ф. 75 (30). Д. 4. Л. 24–36.
- ⁴⁹ Российский государственный экономический архив. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 13. Л. 45–70.
- ⁵⁰ ГААО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 9а. Л. 43.
- ⁵¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 13–16.
- ⁵² РГАСПИ. Ф. Р-71. Оп. 35. Д. 880. Л. 74–76.
- ⁵³ ГААО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 13а. Л. 240, 246.
- ⁵⁴ Там же. Д. 9 а. Л. 5 об., 6.
- ⁵⁵ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. С. 128–131, 136–137.
- ⁵⁶ Финансово-кредитный словарь: в 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 213; Соколов Е. Н. Подоходный налог в условиях «военного коммунизма». С. 140–142.
- ⁵⁷ Сокольников Г. Я. Финансовая наука: в 2 вып. М.; Л., 1930. Вып. 1. С. 26.
- ⁵⁸ ГААО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 28а. Л. 10.
- ⁵⁹ Декреты Советской власти. Т. 13. 1 февраля — 31 марта 1921 г. М., 1989.
- ⁶⁰ Дьяченко В. П. Финансы СССР. Вып. 1. М., 1933. С. 58.
- ⁶¹ Голованов С. А. Государственные бюджеты РСФСР // На новых путях. Итоги новой экономической политики 1921–1922 гг. М., 1923. Вып. 2: Финансы. С. 10.
- ⁶² Шмелев К. Система местных бюджетов // Там же. С. 100–102.
- ⁶³ См. таблицы: Строгий В. Местные финансы РСФСР в 1922 г. // Там же. С. 122–123.
- ⁶⁴ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 335. Л. 89 об.
- ⁶⁵ Там же. Д. 13. Л. 28.
- ⁶⁶ Там же. Д. 14. Л. 10.
- ⁶⁷ Там же. Л. 25.
- ⁶⁸ Меньков Ф. Налоги и налоговая политика Советской власти // На новых путях. Вып. 2. С. 146–147.
- ⁶⁹ Дьяченко В. П. Финансы СССР. С. 79, 84.
- ⁷⁰ Там же. С. 89.

⁷¹ Плотников К. Н. Бюджет социалистического государства. М., 1948. С. 44.

⁷² Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф.Р-912. Оп.1. Д.10. Л.89 об.

⁷³ Там же. Ф.Р-97. Оп.1. Д.76. Л.21.

⁷⁴ Там же. Л.4–5.

⁷⁵ Там же. Д.21. Л.108; Д.76. Л.69–70.

⁷⁶ Там же. Д.36. Л.3–4.

⁷⁷ Финансово-кредитный словарь. Т.2. С.213.

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2022 г.

Рекомендована к печати 29 декабря 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Морозова О. М., Трошина Т. И. Российский подоходный налог на фоне социально-политических событий 1917–1920-х гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 2. С. 322–338. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.204>

Аннотация: Введение подоходного налога в России имеет длительную историю, но не все этапы этого процесса получили освещение в научных публикациях. В связи с низкой результативностью налоговых учреждений послереволюционных правительств их законодательство и попытки взимания подоходного налога в 1917–1921 гг. остались мало изученными. То немногое, что объединяло деятельность советской власти и белых правительств, включало их готовность выстраивать свою фискальную практику на имперском законодательстве. Практика применения показала расщепление опыта. Большевики последовательно развивали имеющуюся базу, пытаясь найти формы сбора налогов, соответствующие ситуации в стране, несмотря на продолжительный этап провала таких попыток. Не только центральные органы власти, но волостные и уездные советы и съезды получили большую свободу в нормотворчестве. В противоположность этому опыту в лагере противников советской власти контуры финансовой системы чрезвычайного времени не разрабатывались. Постановления и приказы белых правительств призваны были реагировать только лишь на инфляционные процессы. Построение налоговой системы мирного времени продолжалось в чрезвычайных условиях хозяйственной разрухи и голода. Советское правительство и Наркомат финансов не отказывались от идеи подоходного налога, считая его наличие признаком зрелости налоговой системы и залогом стабильности финансовых поступлений в бюджет. На этапе классовой борьбы в экономической сфере в 1920-е гг. он использовался как инструмент сдерживания роста буржуазных элементов в торговле и производстве. Введение этого вида налогов в сельскохозяйственном коллективном секторе растянулось на десятилетия. Единичные попытки его использования в 1920-е гг. оказались неудачными. Лишь в 1992 г. этот налог приобрел вид обложения годового индивидуального дохода.

Ключевые слова: подоходный налог, налоговое законодательство, наркомат финансов, революция, 1917, Россия, Гражданская война, новая экономическая политика.

Сведения об авторах: Морозова О. М. — д-р ист. наук, проф., Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Россия); olgafrost@gmail.com | Трошина Т. И. — д-р ист. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова; Северный государственный медицинский университет (Архангельск, Россия); tatr-arh@mail.ru

Донской государственный технический университет, Россия, 344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17

Северный государственный медицинский университет, Россия, 163069, Архангельск, Троицкий пр., 51

FOR CITATION

Morozova O. M., Troshina T. I. 'The Russian Income Tax Against the Background of the Socio-political Events of 1917–1920s', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 2, 2023, pp. 322–338. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.204> (In Russian)

Abstract: The introduction of income tax in Russia has a long history, but not all stages of this process have been covered in scholarly publications. Due to the low efficiency of the tax institutions of the post-revolutionary governments, their law-making activities and attempts to collect income tax in 1917–1921 remain under-researched. What little the Soviet and White governments had in common was their willingness to base their fiscal practices on the imperial legislation. The practice of application revealed differences. The Bolsheviks consistently developed the existing framework, trying to find forms of tax collection appropriate to the country's situation despite a long phase of failure in their attempts. Not only the central authorities, but also the county councils and congresses were given greater freedom in rulemaking. In contrast to this experience, the opponents of the Soviet power, didn't work out the contours of the emergency financial system. The decrees and orders of the White governments were only created to respond to inflationary processes. The construction of the peacetime tax system continued under the extraordinary conditions of economic crisis and famine. The Soviet government and the People's Commissariat of Finance did not abandon the idea of the income tax, considering its presence a sign of maturity of the tax system and the guarantee of stability of revenue receipts in the budget. At the stage of the class struggle in the economic sphere in the 1920s, it was used as a tool to restrain the growth of bourgeois elements in trade and production. The introduction of this type of tax in the agricultural collective sector lasted for decades. Sporadic attempts to use it in the 1920s were unsuccessful. It was not until 1992 that it took the form of a personal income tax.

Keywords: income tax, tax legislation, People's Commissariat of Finance, revolution, 1917, Russia, Civil War, New Economic Policy

The research is supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-18-20061 "Foreign Concessions in the Arkhangelsk Province: Regional Experience of Foreign Economic Contacts under the Isolation of Soviet Russia", <https://rscf.ru/project/22-18-20061/>

Authors: *Morozova O. M.* — Dr. Sci. in History, Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia); olgafrost@gmail.com | *Troshina T. I.* — Dr. Sci. in History, Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; Northern State Medical University (Arkhangelsk, Russia); tatr-arh@mail.ru

Don State Technical University, 1, pl. Gagarina, Rostov-on-Don, 344000, Russia

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, 17, nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russia

Northern State Medical University, 51, Troitskiy pr., Arkhangelsk, 163069, Russia

References:

- Ananyich N. I. 'On the history of the abolition of the poll tax in Russia' *Istoricheskie zapiski*, vol. 94, 1974. (In Russian)
- Belsky K. S. N. 'Bunge and the formation of a civilized tax system in the Russian Empire after the abolition of serfdom (1861–1917)', *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, 2016. (In Russian)
- Degtyarev A. N., Mukhamedina Sh. 'Introduction of Income Tax in Russia: Historical Peculiarity and Regulatory Regulation', *Nalogovaya politika i praktika*, no. 9 (93), 2010. (In Russian)
- Diachenko V. P. *Finances of the USSR*, vol. 1 (Moscow, 1933). (In Russian)
- Genzel P. P. *Tax System of Soviet Russia* (Moscow — Leningrad, 1924). (In Russian)
- Gorban A. A. 'I. Ozerov on income tax as an obligatory element of the financial system in the conditions of modernization of Russia's economy', *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, no. 4, 2017. (In Russian)
- Karpenko S. V. 'The Tax Policy of the White Governments in Southern Russia in 1919–1920', *Ekonomicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2011. (In Russian)
- Kim T. I. 'Formation of income and industrial taxes as an important component of the tax system during the New Economic Policy', *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, no. 2 (2), 2007. (In Russian)

- Kirillov A. K. 'The Last Link in the Long Tax Reform of Capitalist Russia: The Transformation of the Income Tax in 1918–1919 (using the example of Western Siberia)', *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 681–701. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).681-701](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).681-701) (In Russian)
- Kondratyev N. D. 'To the question about the unified natural tax system', *Ekonomicheskaya zhizn*, February 7, 10, 1922. (In Russian)
- Kotsonis Y. 'Subject and Citizen: Taxation in Russia Before and After 1917 and its Implications', *Rossii XXI. Obshchestvenno-politicheskii i nauchnyi zhurnal*, no. 1, 1999. (In Russian)
- Kravtsova E. S. 'Income tax in the Russian Empire at the turn of 19th–20th centuries: from idea to implementation', *Vestnik Rossiiskogo Universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, no. 5, 2008. (In Russian)
- Kravtsova E. 'The Cornerstone of the Tax System: The Introduction of an Income Tax in the Russian Empire', *Quaestio Rossica*, vol. 7, no. 4. P. 1229–1242. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.4.435> (In Russian)
- Medvedev V. G. 'Tax Legislation of "White" Russia during the Civil War', *Nalogi i finansovoe pravo*, no. 4, 2012. (In Russian)
- Miller N. V. 'Taxation development in Russia', *Herald of Omsk University. Series: Economics*, no. 1, 2010. (In Russian)
- Mironov B. N. *Historical Sociology of Russia* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Plotnikov K. N. *Budget of a Socialist State* (Moscow, 1948). (In Russian)
- Rynkov V. M. *Economic policy of the counter-revolutionary governments in Siberia. 1918–1919* [Candidate of History Dissertation] (Novosibirsk, 1998). (In Russian)
- Sokolov E. N. 'Income tax under the conditions of "war communism"', *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (13), vol. 1, 2011. (In Russian)
- Sokolnikov G. Ya. *Financial Science*, in 2 vols (Moscow — Leningrad, 1930). (In Russian)
- Voskresenskaya N. O. 'Ministers of Finance of Russia in 1914–1917 (On the organization of state finances on the eve and during the First World War)', *Dengi i kredit*, no. 11, 2014. (In Russian)
- Zakharov V. N., Petrov Yu. A., Shatsillo M. K. *History of Taxes in Russia. IX — beginning of XX centuries* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Zverev A. G. 'Significance of the reform goes far beyond financial policy', *Documents of Russian History: supplement to the journal "Rodina"*, no. 5 (53), 2001. (In Russian)

Received: September 18, 2022

Accepted: December 29, 2022